

ГЛАВА VI

Придворная жизнь

Дворъ императора былъ въ прежніе годы жизни Японіи центромъ всевозможныхъ проявленій культуры, какими только страна могла похвастаться, и сами императоры играли дѣятельную роль въ распространеніи цивилизаціи. Ранняя исторія Японіи такъ окутана туманомъ легендъ и преданій, что только тамъ и сямъ можемъ мы видѣть проблески героическихъ фигуръ—вождей той эпохи. Они кажутся полубогами, дѣтьми неба, получившими отъ послѣдняго, по особенному откровенію, мудрость и силу, при посредствѣ которыхъ побѣждали своихъ враговъ или сѣяли среди своихъ подданныхъ сѣмена новыхъ искусствъ и давали имъ лучшіе законы. Традиціонные императоры, первые потомки великаго Джимму Тенно *, кажется,

* Исторія Японіи учитъ, что нынѣшній императоръ ея—прямой потомокъ Джимму Тенно, сына боговъ; и по этой причинѣ императору приписываютъ божественныя свойства и представительство боговъ на землѣ. Династія, въ теченіе почти двадцати пяти вѣковъ, протекшихъ со временъ Джимму Тенно, ни разу не прерывалась. Должно однако замѣтить въ связи съ такимъ утвержденіемъ, что японская семья имѣетъ значительно болѣе свободную организацію, чѣмъ у народовъ западной цивилизаціи, вельдствіе обычаевъ наложничества и усыновленія, и что наслѣдникъ рода не долженъ непременно состоять въ кровномъ родствѣ со своимъ родоначальникомъ.

были только военачальниками, которые ради своего предка причислялись къ божествамъ, но которые вели простую суровую жизнь дикихъ королей, окруженных женами и наложницами, имѣвшихъ свиту вооруженныхъ тѣлохранителей и второстепенныхъ начальниковъ, и жившихъ въ грубыхъ хижинахъ, въ близкомъ общеніи со своими солдатами, а отнюдь не удалявшихся въ таинственное одиночество, которое въ послѣдніе дни избралъ сынъ боговъ. Первые императоры правили не только „божественной правдой“, но и личной своей силой и доблестью; и рассказы о доблестныхъ дѣяніяхъ этихъ раннихъ правителей поддерживали сильную вѣру народа въ божественныя качества императорскаго дома даже и въ теченіе тѣхъ сотенъ лѣтъ, когда императоръ былъ уже только куклою въ рукахъ претенціозныхъ и могущественныхъ представителей знати.

Къ концу этого легендарнаго періода на императорскомъ тронѣ появляется женщина, представленія о героическихъ качествахъ которой не могутъ быть превзойдены ни въ какихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ какого либо другого народа. Имя ея Джинь-Гоу-Койо, завоевательница Кореи, которая одна изъ девяти правительницъ Японіи сдѣлала эру въ національной исторіи. Она, кажется, съ ранняго возраста постоянно слышала божественные голоса, подобно Іоаннѣ д'Аркъ; и черезъ нее было передано повелѣніе боговъ ея невѣрующему мужу снарядить корабли для завоевательнаго похода на Западъ къ невѣдомой землѣ. Ея мужъ усомнился въ основательности такого повелѣнія въ силу тѣхъ „земныхъ“ и практическихъ соображеній, что такъ какъ никакой земли на Западѣ не видно, то ея и не можетъ быть тамъ,—и отказался организовать предписанную ему экспедицію; но за его невѣріе ему

было гнѣвно объявлено, что онъ никогда и не увидитъ той земли, но что его женѣ суждено завоевать ее для сына, котораго она принесетъ послѣ смерти отца. Это предсказаніе боговъ оправдалось. Императоръ умеръ вскорѣ послѣ того въ сраженіи, а императрица, подавивъ возмущеніе, въ которомъ ея мужъ былъ убитъ, приступила къ организаціи экспедиціи для завоеванія невѣдомой земли за Западнымъ моремъ.

Испросивъ, подобно Гедону израильтянъ, всевозможныя знаменія для укрѣпленія въ себѣ вѣры въ божественность своей миссіи, императрица наконецъ убѣдилась, что голоса, ее зовущіе, нисходятъ съ неба, и повелѣла собирать войска и строить флотъ. Я цитирую изъ Гриффиса вдохновенныя слова, съ которыми она обратилась къ своимъ генераламъ. „Благо или бѣдствіе нашей страны зависитъ отъ этого предпріятія. Я полагаюсь въ подробностяхъ дѣла на васъ. Если онѣ не будутъ исполнены, то вина въ томъ будетъ ваша. Я женщина и молода. Я переодѣнусь мужчиной и предприму эту доблестную экспедицію, полагаясь на боговъ, на мои войска и на вождей ихъ. Мы должны пріобрѣсти богатую страну. Слава будетъ вашей, если мы будемъ имѣть успѣхъ; въ случаѣ же неудачи, вина и позоръ падутъ на меня“. Чтò удивительнаго, что ея военачальники откликнулись на такое воззваніе, и что дѣло набора рекрутовъ и постройка судовъ велись энергично. Задача требовала долгихъ приготовленій,—казавшихся иногда нетерпѣливой женщинѣ безъ необходимости медленными,—но она молила боговъ о помощи постоянными молитвами и жертвоприношеніями. Наконецъ все было кончено, и стройный флотъ кораблей вступилъ подъ паруса въ плаваніе къ невѣдомымъ берегамъ; импера-

трица почувствовала новый приливъ надежды, живя мыслью о великой миссиі своего еще не рожденного ребенка. Небеса улыбались экспедиціи съ самаго начала. Яснѣйшее небо, попутнѣйшіе вѣтры, спокойнѣйшее состояніе моря,—все благопріятствовало ей, и преданіе говоритъ, что даже рыбы собирались въ стаи подъ килями ея кораблей и несли ихъ на себѣ къ желаемой гавани. Флотъ благополучно приплылъ къ южной Корей, но вмѣсто того, чтобы встрѣтить здѣсь сопротивленіе и битвы, изумленная экспедиція была встрѣчена королемъ страны, привѣтствовавшимъ великими почестями пришельцевъ, неожиданное появленіе которыхъ съ невѣдомаго Востока привело туземцевъ къ убѣжденію, что это—посланники боговъ. Экспедиція возвратилась на родину, нагруженная обильными богатствами—не добычей битвы, но мирной данью безкровной побѣды; и съ того времени Японія черезъ Корею, а позднѣе прямымъ соприкосновеніемъ съ самимъ Китаемъ, начала воспринимать и усваивать цивилизацію, искусства и религію послѣдняго. Такимъ образомъ черезъ женщину Японія вступила на путь прогресса, который сдѣлалъ ее тѣмъ, что она теперь, потому что именно послѣдствіемъ корейской экспедиціи Джинь-Гоу-Койо было введеніе въ эту страну почти всего, что мы считаемъ свойственнымъ цивилизованнымъ странамъ. При склонности умалять значеніе женщины и возвеличивать мужчину, вся воинственная карьера императрицы приписывается вліянію ея еще не рожденного тогда сына,—сына, который своей доблестью и храбростью обезпечилъ для своего обожествленного духа положеніе бога войны въ японскомъ Пантеонѣ. Мы сказали бы, что предродовыя вліянія и наслѣдственность были причиною появленія на свѣтъ сына-героя; но японская ло-

гика начинается съ другого конца и объясняетъ, что всѣ благородныя качества матери были порождены вліяніемъ не рожденнаго еще ребенка.

Съ введеніемъ въ Японіи литературы, искусства и буддизма, произошла перемѣна въ отношеніяхъ двора къ народу. Около трона императора теперь собирались не только воины и правители, но также ученые, образованные и талантливые люди, артисты и т. п., находившіе въ императорѣ и придворной знати щедрыхъ патроновъ, которые поддерживали ихъ и передъ которыми они расточали всѣ перлы своихъ трудовъ и талантовъ. Новая культура не гналась за бряцаніемъ оружія и воинскими кликами, но искала покоя и изящества дворцовъ и садовъ, удаленныхъ отъ шума и суеты міра. Но въ то время, какъ императоры старались поощрять новыя знанія и цивилизацію и смягчать воинственныя свойства окружающихъ ихъ людей, на границѣ, вдоль которой дикія орды все еще дѣлали набѣги на отнятыя отъ нихъ территоріи, и которая требовала сильнаго оружія и искусной руки для огражденія безопасности народа, войны въ сущности не прекращались. Однако императоръ постепенно отказывался отъ личной власти въ военныхъ операціяхъ и передавалъ обязанность защиты государства въ руки того или другого изъ представителей знатныхъ родовъ. Знать, разумѣется, не замедлила понять преимущества, дававшіяся ей въ руки вмѣстѣ съ военной властью, въ вѣкъ, когда сила была и правомъ еще въ большей степени, чѣмъ въ наши дни, и когда эта сила, употребляемая благоразумно и съ надлежащимъ уваженіемъ къ предразсудкамъ народа, могла повести къ обезпеченію власти даже надъ самимъ императоромъ. И такимъ образомъ мало по малу, въ преслѣдованіи

задачь новой культуры и новой религии, императоры уединялись отъ народа все болѣе и болѣе, и дворъ сдѣлался самъ по себѣ маленькимъ міромъ, до котораго рѣдко доходили тревоги войны или политики. Въ то время, какъ представители знати спорили за обладаніе властью, мечтали о народныхъ переворотахъ и сражались за осуществленіе своихъ плановъ; въ то время, какъ герои страны выросли, жили, сражались и умирали,—императоръ, посреди своихъ дамъ и царедворцевъ, служителей церкви и ученыхъ, проводилъ жизнь въ мірѣ собственныхъ тѣсныхъ интересовъ, думая болѣе о парѣ блестящихъ глазъ, о новой очаровательной поэмѣ, о вновь услышанномъ глубокомъ или остроумномъ изреченіи, чѣмъ о государствѣ, которымъ правилъ по праву божественнаго происхожденія, и удаляясь послѣ какого либо десятка лѣтъ своего кукольнаго царствованія—изъ уединенія своего двора въ еще болѣе глубокое уединеніе того или другого буддійскаго монастыря.

Въ священнѣхъ предѣлахъ двора отдавалось много времени такимъ играмъ и такому времяпрепровожденію, которыя не казались слишкомъ грубыми или шумными для изящныхъ требованій вновь насажденной культуры. Поло, ножной мячъ, охота съ соколами, стрѣльба изъ лука и т. п. были упражненіями не недостойными даже самыхъ изящныхъ джентльменовъ; кромѣ того члены нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій обучались наслѣдственно нѣкоторымъ благороднымъ древнимъ танцамъ, многіе изъ которыхъ были китайскаго или корейскаго происхожденія. Дамы въ длинныхъ одеждахъ и съ распущенными волосами, ниспадавшими часто ниже колѣнъ, играли при дворѣ не послѣднюю роль не только въ зависимости отъ своей граціи или красоты, но и въ зависимости отъ

остроумія, знаній въ области классическаго образованія, искусства въ быстрыхъ репликахъ на обращенныя къ нимъ рѣчи и богатства изящной фантазіи, облекавшейся ими въ поэтическую форму *.

Много вниманія обращалось при этомъ на ту гармонию между искусствомъ и природой, которую вкусы японцевъ ставятъ непремѣннымъ условіемъ всякаго истинно художественнаго произведенія. Пышныя украшенія или шелковыя вышивки на шелковыхъ придворныхъ платьяхъ должны мѣняться съ временами года, чтобы цвѣтъ вишенъ слѣдовалъ за цвѣтомъ сливъ, вистарія**—за сливой и т. д., черезъ весь календарь цвѣтовъ, въ такомъ же порядкѣ, какъ въ саду, опоясывающемъ дворецъ. То же самое и въ кондитерскомъ искусствѣ, въ которомъ японцы до мельчайшихъ подробностей имитируютъ цвѣты и плоды. Хризантемы въ сахарѣ „расцвѣтаютъ“ не раньше, чѣмъ на своемъ натуральномъ стеблѣ; маленький золотистый апельсинъ, съ его темными зелеными листьями, находимъ въ списокѣ кондитера только зимой, когда апельсинъ въ дѣйствительности желтѣетъ

* Въ древнія времена, до начала долгихъ междоусобныхъ войнъ среднихъ вѣковъ, какъ мужчины, такъ и женщины обращали большое вниманіе на поэзію, и многія классическія произведенія японской литературы принадлежатъ перу женщинъ. Между замѣчательными писательницами можно упомянуть Мураками Шикибу, Сейшо Нагонъ и Исено Тайю — всѣ придворныя дамы во времена императора Ичиджо (около 1000 лѣтъ по Р. Х.). Дворъ въ то время былъ центромъ науки, и императоръ сильно поощрялъ литературныя занятія, поэзію и музыку. Онъ собиралъ около себя талантливыхъ мужчинъ и женщинъ; но дошедшія до насъ великія произведенія той эпохи принадлежатъ, странно сказать, большею частью женщинамъ.

** Вистарія — ползучее растеніе изъ семейства бобовыхъ, обильно покрывающееся при цвѣтеніи красивыми пурпуровыми цвѣтами. — *Ред.*

на деревѣ. Самыя украшенія во дворцѣ должны мѣняться съ перемѣной мѣсяца, и тѣ или другія какемо-но и вазы то убираются въ склады (кура), то выносятся для украшенія комнатъ, согласно тому, въ какой мѣрѣ ихъ рисунки находятся въ гармоніи съ природой. Это стремленіе гармонизировать искусство съ природой проявляется теперь не только въ блестящей обстановкѣ дворца, но и во всемъ декоративномъ искусствѣ Японіи. Въ каждомъ домѣ украшенія мѣняются сообразно временамъ года.

Въ теченіе тѣхъ годовъ, когда Японія принимала цивилизацію Китая, ей угрожала опасность, — та же самая, которая угрожаетъ ей и теперь: это была опасность, чтобы усвоеніе иностраннаго не выразилось въ рабскомъ подражаніи всему, что было не японскимъ, и чтобы введеніе литературы, искусства и многочисленныхъ, неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ, предметовъ роскоши не отняло отъ народа независимости, патріотизма и мужества. Но, къ счастью, этого не случилось; и въ то время, когда родному языку угрожала опасность быть почти вытѣсненнымъ, вслѣдствіе введенія обученія китайскому алфавиту и по китайскимъ письменамъ, женщины Японіи, не только въ разговорномъ языкѣ, но и въ поэзіи, и въ легкой отечественной литературѣ, сохранили живую струю чистаго и изящнаго языка и создали нѣсколько образцовыхъ произведеній истинно національной литературы. Фаворъ при дворѣ нынѣ, также какъ и въ старыя времена, не снискивается только званіемъ, красотой и граціей, но долженъ быть завоеванъ такими же интеллектуальными дарованіями, воспитанными годами образованія, которые сдѣлали такъ многихъ женщинъ знаменитыми въ средневѣковую эпоху японской исторіи. Многія придворныя дамы такъ на-

читаны въ національной литературѣ, что способны цѣнить *bons mots*, содержащія во многихъ случаяхъ ссылки на старыя поэмы или игру словъ, и способны писать поэтическія произведенія въ обществѣ при подходящихъ случаяхъ тѣми изящными, но неприводимыми оборотами рѣчи, которые составляютъ характеристику японской поэзіи *. Даже въ эту дѣловую эру *меиджи* ** императоръ и его дворъ сохраняютъ обычаи стараго времени и стараются поощрять любовь къ красивой японской поэзіи. Въ каждый новый годъ публично объявляется подходящий ко времени сюжетъ, поэмы на который могутъ быть написаны кѣмъ угодно въ государствѣ и посланы во дворецъ до окончанія назначеннаго для соисканія срока. Всѣ поэмы, посланныя такимъ образомъ, разсматриваются компетентными судьями, которые избираютъ лучшія пять и посылаютъ ихъ императору: честь, которой авторы добиваются болѣе, чѣмъ американскіе поэты — благопріятныхъ рецензій или самыхъ большихъ гонораровъ. Нѣкоторыя изъ другихъ поэмъ опубликовываются въ газетахъ. Интересно замѣтить, что многіе выдающіеся писатели и писательницы въ Японіи извѣстны, какъ участники этой конкуренціи, которой не чуждаются и многія изъ придворныхъ дамъ.

Во дворцѣ происходятъ также частыя собранія по-

* Придворныя дамы, близко стоящія къ императору и императрицѣ, избираются изъ семействъ дворянъ. Только въ настоящее царствованіе нѣсколько женщинъ изъ класса самураевъ достигли высокаго положенія при дворѣ вѣдѣствіе своихъ особенныхъ талантовъ.

** *Меиджи* (просвѣщенное правленіе) есть названіе эры, которая началась со вступленіемъ нынѣ царствующаго императора на престолъ. 1890-й годъ есть, слѣдовательно, двадцатый третій годъ *меиджи*, и такъ онъ и обозначается во всѣхъ японскихъ датахъ.

этовъ и любителей поэзіи, имѣющихъ какое либо отношеніе ко двору. На этихъ собраніяхъ сочиняются поэмы для увеселенія императора и императрицы, также какъ и для увеселенія самихъ поэтовъ.

Въ школѣ, основанной недавно на казенныя средства для дочерей дворянъ, большое вниманіе обращено на основательное обученіе ученицъ японскому языку и родной литературѣ, а также на развитіе въ нихъ искусства писать поэтическія произведенія. Во главѣ школы—на высшемъ правительственномъ посту, достигавшемся до сихъ поръ женщиной въ Японіи—стоитъ бывшая придворная дама, которая не имѣетъ равныхъ не только по своему званію всѣхъ требованій придворнаго этикета, но также и по эрудиціи въ области своей родной исторіи и литературы и по искусству сочиненія изящныхъ поэмъ. Годъ или два назадъ, когда одна изъ ученицъ школы умерла послѣ короткой болѣзни, ея школьныя подруги и учительницы написали поэмы на ея смерть, которыя послали удрученнымъ горемъ родителямъ.

Трудно для японца, и еще труднѣе для иностранца, проникнуть въ уединеніе дворца и увидѣть что либо изъ придворной жизни за исключеніемъ того, что показывается публикѣ въ случаяхъ формальныхъ приемовъ, какъ напримѣръ, на балахъ и обѣдахъ. Въ 1889 году новый дворецъ, построенный на мѣстѣ стараго замка Токугава, сгорѣвшаго семнадцать лѣтъ назадъ, былъ совершенно законченъ; и мнѣ удалось видѣть, прежде переселенія туда двора, не только большія приемныя залы, тронную залу и столовую, но также и частныя апартаменты императора и императрицы. Дворецъ, окруженный старыми замковыми рвами, построенъ въ японскомъ стилѣ; но въ немъ много иностранныхъ нововведеній, какъ въ самомъ зданіи, такъ

и въ садахъ. Онъ отопливается и освѣщается по иностранной системѣ, и самыя большія комнаты всѣ великолѣпно меблированы по образцу европейскихъ дворцовъ; но въ то же время лакъ, рѣзба и богато украшенные потолки напоминаютъ одинъ изъ изящнѣйшихъ японскихъ храмовъ. Частныя апартаменты императора и императрицы, съ другой стороны, въ высшей степени просты и обставлены вполне въ японскомъ стилѣ; и хотя деревянные работы и натертыя полы коридоровъ весьма красивы, живопись и лаковые работы въ высшей степени утонченны, мало что въ этой простотѣ указываетъ на императорское жилище. Кажется, какъ будто ихъ величества, хотя внѣшне и уступили или подчинились многимъ европейскимъ обычаямъ, въ томъ числѣ и европейскимъ костюмамъ, предпочитаютъ жить въ японской обстановкѣ — въ комнатахъ, покрытыхъ циновками, а не коврами, отдыхая на нихъ охотнѣе, чѣмъ на креслахъ и диванахъ и на нашихъ кроватяхъ ²².

Ихъ апартаменты не велики; каждое отдѣленіе состоитъ изъ трехъ комнатъ, сообщающихся между собой, причемъ комнаты императрицы немного меньше, чѣмъ императора, а комнаты наследнаго принца Гару, въ свою очередь, немного меньше, чѣмъ комнаты императрицы. Молодой принцъ живетъ въ собственномъ дворцѣ, а упомянутые апартаменты занимаетъ только при своихъ посѣщеніяхъ родителей. Есть также комнаты для вдовствующей императрицы, на случай ея визитовъ. Всѣ эти апартаменты сгруппированы въ одной части дворца и соединены между собою коридорами; но частныя комнаты придворныхъ дамъ расположены въ отдѣльномъ зданіи, довольно далеко отъ дворца, и соединены съ корпусомъ послѣдняго длинной узкой галлереей, идущей черезъ

садъ. Тамъ каждая изъ дамъ имѣетъ уютное помѣщеніе, въ которомъ живетъ, когда свободна отъ обязанностей службы при императорѣ и императрицѣ. Придворная дама имѣетъ своихъ слугъ, и ей дозволяется поселить у себя младшую сестру или родственницу, но при условіи полнаго разобщенія послѣдней отъ придворной жизни и со строгимъ запретомъ появляться въ другихъ частяхъ дворцовыхъ построекъ. Въ этихъ квартирахъ, которыя скорѣе представляютъ сами по себѣ маленькіе домики, имѣются кухня и всѣ принадлежности домохозяйства, совершенно независимо отъ другихъ частей дворца; торговцы необходимыми припасами, а также и предметами роскоши, допускаются туда, но черезъ особую калитку.

Придворная дама—значительная особа и живетъ въ сравнительномъ покоѣ и безусловномъ достаткѣ, окруженная большимъ штатомъ прислуги, освобождающей ее отъ всякаго труда. Помимо жалованья, которое, конечно, мѣняется вмѣстѣ съ положеніемъ кругомъ обязанностей, но которое всегда достаточно для покрытія съ избыткомъ необходимыхъ издержекъ по костюму и хозяйству, придворная дама получаетъ много подарковъ отъ императора и императрицы, позволяющихъ ей окружать себя иногда даже большою роскошью.

Этикетъ императорскаго обихода всегда весьма сложенъ и очень строгъ, хотя многія изъ формальностей старыхъ временъ уже изгнаны изъ него. Придворныя дамы—хранительницы консервативнаго направленія. Для того, чтобы научиться требованіямъ придворной жизни и сопряженнымъ съ нею обязанностямъ, онѣ помѣщаются при дворѣ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, около десяти или одиннадцати лѣтъ, и считаются тамъ ученицами, приставленными для практики къ старшимъ.

Въ строгомъ уединеніи дворца онѣ вырастають почти въ суровой обстановкѣ, обучаясь всеѣмъ деталямъ придворнаго этикета. Отрѣзанныя отъ всеѣхъ виѣшнихъ вліяній въ такой ранней порѣ жизни, маленькія придворныя дѣвочки постепенно усваивають весь безконечный кругъ формальностей, о которыхъ ихъ заставляютъ думать, какъ о вещахъ необходимыхъ. Этикетъ въ самыхъ детальныхъ требованіяхъ распространяется не только на все, что касается императорскаго хозяйства, но и на ихъ собственный обиходъ. Многія изъ идей этого порядка переданы изъ поколѣнія въ поколѣніе въ узкихъ предѣлахъ дворца, такъ что жизнь здѣсь является сама по себѣ любопытнымъ міромъ, весьма непохожимъ на жизнь въ обыкновенныхъ японскихъ домахъ.

Но между всеѣми дамами современной Японіи,—какъ ни очаровательны, умны и изящны многія изъ нихъ,—нѣтъ болѣе благородной, болѣе образованной, болѣе красивой и прекрасной по образу своей жизни и по характеру, чѣмъ сама императрица. Императоръ въ Японіи, хотя можетъ имѣть много наложницъ, можетъ и ограничиться только одною женою, которая должна быть избрана изъ числа дѣвушекъ, принадлежащихъ къ одному изъ пяти семействъ высшей аристократіи*.

* Невѣста японскаго императора избирается не изъ какого нибудь царственнаго рода, но среди дочерей пяти высокихъ особъ—куге, или придворныхъ дворянъ, которые по своему положенію слѣдуютъ сейчасъ же за принцами крови. Выборъ дѣлается обыкновенно императоромъ или его совѣтчикомъ и естественно останавливается на болѣе достойной или по красотѣ, или по образованности. Безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ причинъ, по которой императрица ставится значительно ниже, чѣмъ самъ императоръ, и состоитъ въ томъ, что она—не царской крови, а одна изъ подданныхъ въ имперіи. Въ прежнія времена дочери императора никогда не могли выходить замужъ, такъ какъ все мужчины счи-

Гару Ко, изъ благородной фамиліи Ичиджо, сдѣлалась императрицей въ 1868 году, годъ спустя послѣ того, какъ ея мужъ, тогда еще семнадцатилѣтній юноша, вступилъ на престолъ, и въ самый годъ низверженія шогуната и возстановленія дѣйствительной власти императора, какъ главы государства *.

Выршая въ глубокомъ и схоластическомъ уединеніи стараго двора въ Кіото, молодая императрица оказалась въ положеніи, весьма отличающемся отъ того, для котораго воспитывалась,—положенія, обязанности и отвѣтственность котораго съ теченіемъ лѣтъ дѣлались все болѣе и болѣе многообразными. Въмѣсто жизни въ суровомъ уединеніи, не видя никого и невидимая никому, императрица должна была вступить въ свѣтъ, найдя въ немъ удовольствія, также какъ и обязанности главы въ средѣ окружающихъ ее. Съ переселеніемъ дворца въ Токио и съ появленіемъ императора передъ своимъ народомъ въ качествѣ одного изъ смертныхъ, къ императрицѣ были предъявлены новыя требованія, и она достойно справилась съ ними. Со времени, когда въ 1871 году она

тались ниже ихъ по положенію. Онѣ обыкновенно посвящали свою жизнь религіозному служенію и, какъ служительницы въ храмахъ Шинто или какъ жрицы буддійскія, жили въ уединеніи въ особыхъ зданіяхъ при храмахъ или въ монастырской обители.

* Шогуны Токугава были военными правителями изъ рода Токугава, который держалъ власть въ своихъ рукахъ въ теченіе періода двухсотъ пятидесяти лѣтъ. Они, можетъ быть, лучше извѣстны европейцамъ подъ титуломъ тайкуновъ (Тусоон—великій принцъ), принятымъ или скорѣе изобрѣтеннымъ ими для того, чтобы произвести впечатлѣніе на иностранцевъ, когда коммодоръ Перри велъ переговоры о заключеніи трактатовъ. Шогунъ держалъ даиміевъ въ насильномъ подчиненіи, которое было потрясено въ 1862 году и уничтожено въ 1868, когда, съ низверженіемъ шогуната, была возстановлена непосредственная власть императора надъ народомъ.

дала аудіенцію пяти маленькимъ дѣвочкамъ изъ сословія самураевъ, которыя отправлялись въ Америку для подготовленія тамъ къ своей роли въ нарождавшейся еще тогда новой Японіи, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ реформъ и прогресса въ своемъ государствѣ, императрица сдѣлала все, что было въ ея силахъ, для просвѣщенія женщины въ своемъ отечествѣ ²³. Много циркулируетъ въ Японіи рассказовъ, которые иллюстрируютъ очаровательный характеръ императрицы, какъ женщины, и которыя позволили ей снискать такую преданность подданныхъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда замокъ въ Токио былъ сожженъ, и императорская чета была вынуждена искать убѣжища въ старомъ домѣ даимія, лишенномъ всякой роскоши и давно уже не ремонтированномъ, кто-то выразилъ императрицѣ свое сожалѣніе, чувствовавшееся всѣмъ народомъ, что она подвергается многимъ неудобствамъ. Ея отвѣтъ былъ данъ въ формѣ изящной маленькой поэмы, въ которой она сказала, что тѣснота ея жилища не ограничить ея любви къ народу, и что для него она будетъ стараться по возможности полно проникнуть въ безпредѣльную глубину знаній.

По другому случаю, когда принцъ Ивакура, одинъ изъ японскихъ вождей въ старые годы кризиса, который переживала еще страна, лежалъ умирающимъ въ своемъ домѣ, императрица извѣстила его, что посѣтитъ его. Принцъ, испуганный, что не въ состояніи будетъ оказать ей должный пріемъ, отвѣтилъ ей, что очень боленъ и неспособенъ приготовить надлежащимъ образомъ для принятія императрицы. На это императрица возразила, что для нея не нужно дѣлать никакихъ приготовленій, потому что она придетъ къ нему, не какъ императрица, а какъ дочь Ичиджо,

его стараго друга и товарища, и что, какъ таковую, онъ, конечно, можетъ принять ее. Забывъ затѣмъ о своемъ императорскомъ санѣ и отбросивъ всякій этикетъ, она посѣтила умирающаго государственнаго дѣятеля и освѣтила его послѣдніе часы лучемъ мысли о томъ, какой благодатный примѣръ являетъ она женщинамъ его возлюбленной страны.

Многія изъ благотворительныхъ учрежденій и школъ новой Японіи состоятъ подъ покровительствомъ императрицы; это не значить, что она состоитъ покровительницей лишь номинально, но это значить, что она думаетъ о нихъ, изучаетъ ихъ, собираетъ о нихъ свѣдѣнія и даже соблюдаетъ экономію въ личныхъ расходахъ, чтобы быть въ состояніи больше тратиться на нихъ. Есть госпиталь для бѣдныхъ въ Токио, имѣющій связь съ профессиональною школою нянекъ, который служить предметомъ спеціальнаго попеченія ея. Въ прошломъ году она пожаловала ему въ концѣ года сбереженія отъ своего собственнаго жалованья, и по поводу этого поступка газета „Japan Mail“ говоритъ слѣдующее:

„Жизнь японской императрицы—это вѣрное исполненіе своего долга и энергичная благотворительность. Въ самомъ дѣлѣ, общество слышитъ съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, воспитаннымъ привычкою, что ея величество посѣтила ту или другую школу, или обошла больныхъ въ томъ или другомъ госпиталѣ. Такія событія кажутся какъ будто вошедшими естественно въ рутину трудового дня императрицы. Но вѣдь для нея утомительность долгихъ часовъ, проводимыхъ ею въ классныхъ комнатахъ, въ лабораторіяхъ или у постели больныхъ, должны были бы сдѣлаться скоро невыносимыми, еслибы она, независимо отъ доброты своего сердца, не была проникнута горячимъ и добро-

желательнымъ интересомъ ко всему, что касается благосостоянія ея подданныхъ. Что ея величество чувствуетъ такой интересъ, и что послѣдній съ годами скорѣе растетъ, чѣмъ уменьшается, это знаетъ всякій, кто присутствовалъ при одномъ изъ безчисленныхъ случаевъ, когда дѣятели по благотворительности или директоры какой либо школы докладывали императрицѣ съ безжалостной точностью всѣ скучныя детали ихъ проектовъ или организацію подвѣдомственныхъ имъ учреждений. Самое недавнее доказательство сердечности заботъ ея величества въ этомъ направленіи еще болѣе, однако, поразительно. Со времени основанія токійскаго госпиталя для бѣдныхъ, гдѣ находится на излеченіи много женщинъ и дѣтей, императрица близко слѣдила за ходомъ дѣлъ его, оказывала ему самое дѣятельное и могущественное покровительство и увеличивала его средства. Мало по малу госпиталь развился, расширивъ сферу дѣятельности пока наконецъ, не почувствовалъ нужды въ приобрѣтеніи болѣе просторнаго земельного участка, — какъ это часто бываетъ съ подобными учреждениями. Императрица, зная это, обдумывала разные средства придти ему на помощь и рѣшила, что строгая экономія въ своихъ личныхъ расходахъ и предоставленіе на нужды госпиталя могущихъ скопиться такимъ образомъ сбереженій отъ ея жалованья будетъ мѣрой наиболѣе цѣлесообразной. Въ результатѣ одинъ изъ секретарей ея величества, виконтъ Кагава, передалъ доктору Такаги, главному лицу въ администраціи госпиталя, сумму въ 8446 іень 90 сень 8 ринъ. Эти сены и рины характерны: онѣ рисуютъ, какая точность соблюдалась въ записяхъ расходовъ императрицы, побуждая ее, быть можетъ, къ самой суровой экономіи. Такія изысканія дѣянія истинной

благотворительности возбуждают восхищеніе и любовь“.

Не очень давно, при одномъ изъ посѣщеній госпиталя, императрица привезла въ дѣтское отдѣленіе игрушки, которыя раздала дѣтямъ собственной рукой. Когда мы подумаемъ, что этотъ госпиталь доступенъ бѣднѣйшимъ людямъ низшихъ классовъ населенія въ Токио, и что, двадцать лѣтъ назадъ особы императора и императрицы были такъ священны въ глазахъ народа, что за исключеніемъ представителей самой высшей знати и интимныхъ придворныхъ чиновниковъ, никто не допускался лицезрѣть ихъ, и что даже эти лица принимались императоромъ, лицо котораго при этомъ было закрыто, только во дворцѣ и лишь на разстояніи многихъ футовъ,—то не можемъ не оцѣнить, что сдѣлала императрица Гару, сокративъ разстояніе между собой и своимъ народомъ настолько, что дѣти бѣднѣйшаго нищаго получаютъ подарки изъ ея рукъ. Даже и теперь еще въ деревняхъ внутри страны есть крестьяне, которые, думаютъ, что никто, увидѣвъ разъ священное лицо императора, не долженъ оставаться живымъ.

Школа для дочерей дворянъ, раньше уже упоминавшаяся мною, является учрежденіемъ, жизнь котораго императрица принимаетъ близко къ сердцу, потому что она видитъ нужду въ надлежащемъ соединеніи старой и новой системъ воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, которыя скоро заступятъ мѣсто прежнихъ придворныхъ дамъ. Императрица присутствовала при открытіи школы и сама произнесла рѣчь ученицамъ; нынѣ ея посѣщенія школы,—не менѣе раза, а часто и двухъ разъ въ мѣсяцъ,—доказываютъ ея неослабный интересъ къ начатому дѣлу. При всѣхъ перемоніяхъ въ школѣ ученицы, стоя со склоненными головами, какъ на мо-

литвѣ, поютъ маленькую пѣсенку, сложенную для нихъ самой императрицей; при актовыхъ торжествахъ ея величество выслушиваетъ речи и адреса съ глубочайшимъ интересомъ. Лучшіе образчики поэзіи, живописи и сочиненій ученицъ посылаются къ ней во дворецъ и нѣкоторые оставляются ею у себя въ поощреніе молодыхъ авторовъ. Посѣщая классы, она не дѣлаетъ этого только формально, но остается въ каждомъ изъ нихъ нѣкоторое время, иногда даже около часа, внимательно слушая отвѣты ученицъ и наблюдая за ихъ лицами. Во время руководѣльных уроковъ и на урокахъ поварского искусства (въ этой школѣ преподаются и такіе предметы) она иногда бесѣдуетъ съ ученицами, задавая имъ вопросы. Однажды она замѣтила, что маленькая княжна, только что поступившая въ школу, неуклюже справляется съ иглой и наперсткомъ. „Въ первый разъ, княжна, не правда ли?“ спросила, смѣясь, императрица; и сконфуженная княжна должна была признаться, что это—ея первый опытъ въ столь необходимомъ для женщинъ дѣлѣ.

Иногда въ свои свободные часы—а они не часты въ ея трудовой жизни—императрица принимаетъ у себя маленькихъ дочерей кого либо изъ принцевъ крови, знатныхъ особъ или даже дѣтей видныхъ чиновниковъ. По добротѣ своего сердца она находитъ большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ малютками, изъ которыхъ однѣ сильно стѣняются въ присутствіи императрицы, тогда какъ другія, въ дѣтской невинности своей, не думаютъ ни о какомъ этикетѣ, болтаютъ и прыгаютъ непринужденно къ большому наслажденію придворныхъ дамъ и самой императрицы. Такіе пріемы всегда кончаются подарками игрушекъ или разныхъ другихъ вещицъ, которыя ребенокъ беретъ съ

собою домой и сохраняет ихъ тамъ въ числѣ самыхъ драгоценныхъ сокровищъ, въ воспоминаніе о гостепріимствѣ императрицы. Такимъ образомъ императрица оживляетъ пустынную большую дворца, гдѣ звукъ дѣтскихъ голосовъ слышится такъ рѣдко, потому что дѣти императрицы живутъ въ отдѣльных помѣщеніяхъ и до минованія дѣтской поры только изрѣдка посѣщаютъ дворецъ *.

Современная жизнь императрицы не отличается много отъ жизни коронованныхъ особъ въ европейскихъ государствахъ. Ея карету и конвой можно часто встрѣтить на улицахъ въ Токио, когда она возвращается съ одного изъ своихъ многочисленныхъ визитовъ, церемоніальныхъ или по дѣламъ благотворительности. Полицейскимъ приходится тогда осаживать толпы народа, который всегда собирается посмотреть на императорскую карету и стоять почтительно, но безъ демонстрацій, пока всадники съ императорскими значками, слѣдующіе за каретами императрицы и ея свиты, проѣзжаютъ мимо. Официальная газета сообщаетъ почти ежедневно о посѣщеніяхъ императоромъ и императрицей или другими членами императорской фамиліи различныхъ интересныхъ учреждений — дворцовъ расположенныхъ въ различныхъ частяхъ Токио, школъ, филантропическихъ учреждений, выставокъ, а иногда и домовъ высокопоставленныхъ чиновниковъ или дворянъ, которые тщательно готовятся къ столь высокой чести—пріему у себя ихъ величествъ.

* Дѣти императора съ рожденія отдаются на попеченіе какого либо знатнаго лица или высокопоставленнаго чиновника, который дѣлается дядькою ребенка. Извѣстныя лица назначаются для прислуживанія ему, и ребенокъ, вмѣстѣ со своею свитой, живетъ въ домѣ дядьки, который долженъ посвятить весь свой умъ и опытъ дѣлу физическаго и умственнаго воспитанія дитяти.

Между удовольствіями въ предѣлахъ дворцоваго парка недавно введена, и теперь въ большомъ фаворѣ, верховая ѣзда—спортъ до тѣхъ поръ неизвѣстный дамамъ въ Японіи. Императрица и ея дамы, говорятъ, очень любятъ это активное упражненіе—удовольствіе, составляющее поразительный контрастъ съ невозмутимой тишиною времяпрепровожденія женщины въ старое время.

Луга, окружающіе дворцы въ Токио, распланированы и содержатся въ высшей степени красиво, но не въ такомъ искусственномъ характерѣ—съ правильными клумбами цвѣтовъ и группами обрѣзанныхъ деревьевъ, разсаженныхъ на равномъ другъ отъ друга разстояніи,—какой часто наблюдается въ отлично содержимыхъ паркахъ богатыхъ городовъ Америки. Видъ японскаго садика сохраняетъ дикость и красоту природы и близко подражаетъ ей. Знаменитые цвѣты, однако, въ императорскихъ садахъ культивируются до высшей степени совершенства, доставляя высокое наслажденіе членамъ императорскаго двора въ каждый сезонъ цвѣтенія. Особенное вниманіе удѣлено культурѣ императорскаго цвѣтка Японіи—хризантемы; и въ одинъ изъ дней ноября, когда этотъ цвѣтокъ распускается во всей красѣ, ворота Акасакскаго дворца открываются для приглашенныхъ гостей, которые принимаются лично императоромъ и императрицей. Здѣсь самые рѣдкіе виды этого любимаго цвѣтка японцевъ и образцы самыхъ странныхъ цвѣтовъ и формы его—результатъ заботливаго и сложнаго ухода—выставляются въ обширныхъ клумбахъ, защищенныхъ временными кровлями изъ бамбуковыхъ вѣтвей и украшенныхъ императорскими флагами. Это—большой праздникъ хризантемъ императора, тогда какъ другія празднества такого же характера устраиваются

подъ вѣтвями обремененныхъ розовыми цвѣтами вишневыми деревьями.

Въ описанныхъ роляхъ и описанной обстановкѣ императрица показывается своему народу, являясь для него граціозной и прелестной фигурой, хотя и далекой, какъ это и должно быть, отъ обыденной жизни. Только какъ бы „по случайнымъ проблескамъ“ знаетъ о ней народъ, но эти проблески освѣщаютъ въ ней достаточно того, что возбуждаетъ самое теплое восхищеніе ею и самую преданную любовь къ ней народа. Будучи бездѣтной сама и осужденною видѣть наследникомъ престола вмѣсто своего собственнаго ребенка—чужого, хотя и сына своего мужа, императрица посвящаетъ свою одинокую и не слишкомъ счастливую жизнь на серьезное личное изученіе нуждъ дѣтей своего народа, и рядомъ съ Джинь-Гоу *,—величественною, но туманною императрицей прошлаго,—безъ сомнѣнія, будетъ обоготворена въ сердцахъ японскихъ женщинъ память Гару-Ко—предводительницы своихъ соотечественницъ на пути къ болѣе свободной и счастливой жизни, открывающейся передъ ними нынѣ.

* Джинь-Гоу-Койо, подобно многимъ полугероическимъ, полумифическимъ фигурамъ другихъ народовъ, нѣсколько пострадала отъ нападковъ современной исторической критики. Многіе изъ лучшихъ японскихъ историковъ отрицаютъ, что она завоевала Корею; нѣкоторые идутъ такъ далеко, что сомнѣваются даже, имѣла ли она право на титулъ императрицы; всѣ увѣрены, что много романческаго собралось около фигуры этой доблестной женщины; но для массы современнаго японскаго народа она еще до сихъ поръ представляетъ историческую реальность и служить въ ихъ представленіи олицетвореніемъ Японіи въ образѣ женщины. Завоевала она Корею или нѣтъ, она остается выдающейся женской фигурой на рубежѣ, за которымъ старый варварскій культъ жизни поглощается болѣе новой цивилизаціей, совершенно такъ, какъ императрица Гару-Ко стоитъ на рубежѣ между восточнымъ и западными путями мысленія и строями жизни.

Каждая изъ этихъ личностей открываетъ начало новой эры: первая—цивилизаци и нравственности, основанныхъ на ученіи Будды и Конфуція; вторая—цивилизаци и нравственности, которыя вытекаютъ изъ ученія Христа. Буддизмъ и конфуціонизмъ возвышаютъ и цивилизуютъ, но не дали женщинамъ Японіи даже и того мѣста, какое онѣ занимали въ старыя варварскія времена. На христіанство же онѣ должны смотрѣть, какъ на проводникъ свободы и счастья, которыя оно всегда умѣло давать женамъ и матерямъ во всеѣхъ христіанскихъ странахъ ²⁴.

ГЛАВА VII

Жизнь въ замкѣ и яшики *

Уединеніе императоровъ и сосредоточеніе правленія въ рукахъ шогуновъ было постепеннымъ процессомъ, начавшимся немного времени спустя послѣ введенія китайской цивилизаціи, и развивавшимся до тѣхъ поръ, пока Ійеасу, основатель династии Токугава, своимъ кодексомъ законовъ не отнялъ отъ императора послѣдняго призрака дѣйствительной власти и тѣмъ не завершилъ феодальной системы, которая обезпечила господство его дома на весь долгій 250 - лѣтній періодъ времени, ознаменовавшійся непрерывнымъ миромъ.

Дворъ императора, съ его мирными, книжными и эстетическими интересами, его простотою жизни по су-

* Яшики—названіе дворца и принадлежащей ему земли въ городской резиденціи даймья, а также бараковъ, занимавшихся его свитой, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Въ городѣ баракки самураевъ располагались такъ, что составляли полый внутри квадратъ, въ центрѣ котораго стоялъ окруженный садомъ дворецъ ихъ господина, и все это вмѣстѣ составляло яшики даймья. Въ укрѣпленныхъ городахъ дворецъ и сады даймья стояли внутри крѣпостной ограды, окруженной рвомъ, тогда какъ яшики самураевъ не имѣли рва. Послѣдніе, въ свою очередь, были отдѣлены отъ торговой части поселенія вторымъ или третьимъ рвомъ. Подъ жизнью въ замкѣ и яшики мы подразумѣваемъ жизнь даймья въ городѣ или деревнѣ.

ицеству и сложностью этикета во вѣдѣнныхъ выраженіяхъ, былъ центромъ культуры и искусства въ Японіи, но никогда—центромъ роскоши. Послѣ того какъ ростъ могущества Токугавы обезпечилъ за этимъ домомъ и за родами лицъ, къ нему приближенныхъ, большія наслѣдственные владѣнія, дворъ императора былъ не болѣе, какъ тѣнью рядомъ съ великолѣпіемъ, въ которомъ жили Токугавы и даиміи. Богатства страны были въ рукахъ тѣхъ, которые имѣли дѣйствительную власть, а императоръ, даже въ средствахъ для своего существованія, былъ въ зависимости отъ своего великаго вассала, который владѣлъ землей, собиралъ подати, издавалъ законы и давалъ своему господину только то, что считалъ необходимымъ для жизни въ незатѣйливомъ стилѣ старыхъ временъ; для себя же и своихъ приближенныхъ этотъ вассалъ сохранялъ львиную долю, достаточную для того, чтобы сдѣлать Іедо, столицу Токугавы, центромъ роскоши, далеко превосходящей все, когда либо видѣнное во дворцѣ императора. Въ то время какъ кугѣ, старое имперское дворянство, изъ среды котораго прежде назначались губернаторы императорскихъ провинцій, жило въ почтенной, но часто крайней бѣдности, въ Кіото, представители земельного дворянства, или даиміи, возвышенные послѣ борьбы подъ знаменемъ Токугавъ, строили для себя дворцы и сады въ окруженномъ крѣпостными рвами городѣ Іедо. Въ этой столицѣ, съ ея замками, садами, яшиками и укрѣпленіями, основался новый дворъ, болѣе роскошный, но менѣе артистическій и образованный, чѣмъ старый дворъ въ Кіото. Въ различныхъ провинціяхъ, въ каждомъ укрѣпленномъ городѣ около замка также образовался маленькій дворъ, и даимій сдѣлался не только феодальнымъ главою, но покровителемъ литературы и

искусства въ своемъ народѣ, и съ годами его кура, или сокровищница, наполнялась избранными произведеніями искусства—лакомъ, бронзой, серебромъ и фарфоромъ, выставявшимися для обозрѣнія посѣтителей при разныхъ специальныхъ случаяхъ. Эти дворяне, по закону Йемитсу—третьяго въ линіи Токугава, были обязаны проводить половину каждаго года въ городѣ шогунѣ; и каждый изъ нихъ имѣлъ въ городѣ свой ящики или большой домъ съ садомъ. Въ этомъ домѣ его семейство должно было жить постоянно, какъ залогъ вѣчной вѣрности главы его шогуну. Ежегодныя поѣздки въ Іедо и изъ Іедо были событіями не только въ жизни даиміевъ и ихъ многочисленной свиты, но и въ жизни населенія сель и деревень, расположенныхъ по линіи пути, которымъ даиміи должны были слѣдовать. Время и обстановка путешествія для каждаго даимія были строго предписаны въ законахъ Йемитсу, также какъ и поведеніе сельского населенія, которое могло встрѣтить процессію, двигавшуюся къ Іедо или возвращавшуюся оттуда. Когда кто либо изъ дворянъ или изъ членовъ его семейства долженъ былъ проходить черезъ извѣстную часть страны, тамъ заблаговременно дѣлались большія приготовленія. Не только по всему пути останавливалась торговля, но каждая дверь и каждое окно въ домахъ запирались. Никто изъ жителей ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ показываться даимію и даже не могъ позволить себѣ хотя мелькомъ взглянуть на проходившую процессію. Неисполненіе этого требованія считалось дѣломъ постыднымъ, наказуемымъ денежной пеней. Между прочимъ, въ этотъ день не дозволялось производить никакой кухонной стряпни. Вся пища должна была приготовляться за сутки перёдъ тѣмъ, чтобы воздухъ не портился

дымомъ домашнихъ очаговъ простаго населенія. Такимъ образомъ, хотя даимій слѣдовалъ въ своемъ задрапированномъ паланкинѣ, съ многочисленной свитой, черезъ многолюдные города, полные кипучей жизни, но, какъ только онъ приближался, все кругомъ обращалось въ мѣсто безлюдное и безмолвное, какъ будто вымороченное чумой. Едва ли надо прибавлять, что такія путешествія, сопровождавшіяся многими церемоніями и неудобствами для народа, не были такъ часты, какъ совершающіяся нынѣ тѣми же самыми людьми поѣздки изъ одного города въ другой.

Слѣдующій, ходячій въ Токио, рассказъ характеризуетъ послѣдствія такой обособленности даиміевъ отъ народа. Одинъ даимій, слѣдовавшій на пути въ Іедо, черезъ какой-то изъ большихъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ рѣку Сумида, замѣтилъ однажды своимъ спутникамъ, что былъ крайне озадаченъ, смотря на этотъ мостъ. „На картинахъ“, сказалъ онъ, „которыя я видѣлъ, мостъ казался мнѣ кипшащимъ людьми, центромъ жизни и дѣятельности; но, должно быть, художники преувеличиваютъ, потому что, когда я проходилъ по мосту, тамъ не было ни души“.

Замокъ шогуна въ Іедо, съ его рвами и укрѣпленіями, его изящнымъ домомъ и большой куруой, былъ „воспроизведенъ“ въ маломъ масштабѣ въ замкахъ, разсѣянныхъ по всей странѣ. Подобно тому какъ въ Іедо яшики даиміевъ располагались сейчасъ же за внутреннимъ рвомъ замка, чтобы тѣлохранители могли быть готовы къ защитѣ своего господина по первому зову его, такъ въ провинціяхъ яшики самураевъ занимали подобное же положеніе по отношенію къ замку даимія.

Интересно замѣтить, что подобно тому, какъ шогунъ отнялъ военную и свѣтскую власть отъ импе-

ратора, сдѣлавъ его только призрачной главой государства безъ дѣйствительной власти, такъ, въ извѣстной степени, даимій отказался мало по малу отъ личной власти надъ своими владѣніями, передавъ ее въ руки притязательнаго самурая, который сдѣлался совѣтникомъ своего господина. Самураи составляли образованный и военный классъ; они были жизнью Японіи, какъ являются ею и теперь; и не удивительно, что дворяне, обособленные отъ міра и выросавшіе безъ серьезнаго образованія и воспитанія, съ теченіемъ столѣтій обратились изъ сильныхъ и храбрыхъ воиновъ, какими были въ старину, въ современныхъ изнѣженныхъ, любящихъ роскошь, аристократовъ. На вѣрность и благоразуміе самураевъ, часто даже одного какого либо изъ нихъ, обладающаго несомнѣнной ловкостью, опиралась большая или меньшая значительность владѣній даимія и благосостояніе дома его.

Жизнь дамъ въ домахъ даимія до сихъ поръ еще не умерла въ памяти многихъ старыхъ женщинъ въ Японіи, хотя и уступила теперь мѣсто совсѣмъ другому порядку вещей. Императоръ занимаетъ теперь замокъ шогуна, и каждый замокъ даимія во всей странѣ находится нынѣ въ рукахъ императорскаго правительства. Прежніе увеселительные сады дворянъ нынѣ обращены въ арсеналы, школы, публичные парки и другія учрежденія новой эры. Но кое-гдѣ еще можно найти консервативную дворянскую семью, все еще держащуюся до нѣкоторой степени обычаевъ старины, и въ Токио до сихъ поръ существуютъ дома даиміевъ, хотя уже лишенныхъ власти и свиты, но еще не совсѣмъ простившихся въ своемъ образѣ жизни съ воспоминаніями о минувшихъ дняхъ. Въ подобныхъ домахъ можно встрѣтить самураекъ, которыя прислуживаютъ госпожѣ своей — женѣ даимія — во

всемъ ея личною обиходѣ. Въ старыя времена дочери самурая страстно стремились обучаться этикету и всему, что касается умѣнья изящно вести домохозяйство, усваивавшагося не иначе, какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ученичества въ домѣ даиміа, и радостно принимали самыя скромныя мѣста ради воспитанія и репутаціи, приобретающихся такимъ ученичествомъ.

Жена и дочери даиміа вели самый тихій образъ жизни, рѣдко выходя за четыре большія стѣны, которыми обнесены были дворецъ и сады его. Онѣ видѣли перемѣны временъ года на цвѣтахъ, которые цвѣли въ ихъ прелестныхъ садахъ, гдѣ, окруженные многочисленнымъ штатомъ прислуги, онѣ медленно прогуливались по бамбуковымъ рощамъ или подъ отягощенными сливовымъ или вишневымъ цвѣтомъ вѣтвями; ихъ воззрѣнія на жизнь, ихъ радости и огорченія, ихъ обязанности и отвѣтственность ограничивались тѣснымъ міромъ яшики даиміа. Въ утренніе часы онѣ были заняты ухаживаніемъ за своими собственными особами и тщательнымъ причесываніемъ своихъ роскошныхъ волосъ; послѣполуденное время проходило за чайной церемоніей, въ писаніи поэтическихъ произведеній или въ мозаичномъ вышиваніи шелкомъ, которое и теперь еще занимаетъ видное мѣсто въ числѣ любимыхъ изящныхъ работъ японскихъ дамъ.

Существуетъ рассказъ объ одной изъ княженъ Токугава, который иллюстрируетъ развлеченія дочерей شوгуна и заботы объ удовлетвореніи ихъ желаній, какъ бы мало благоразумны они ни были. Вишневая деревья дворцовыхъ садовъ въ Токио замѣчательны своею красотой во время цвѣтенія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Говорятъ, что однажды дочь одного Токугавы выра-

зила желаніе собрать гостей въ роцѣ цвѣтущихъ вишневыхъ деревьевъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, и ничто не могло заставить ее отказаться отъ этого желанія. Ея приближенные позвали искусныхъ мастеровъ и художниковъ, которые сдѣлали изъ окрашенной соотвѣтственнымъ образомъ бумаги мириады цвѣтовъ столь натурально, что ихъ едва можно было отличить отъ настоящихъ. Затѣмъ они укрѣпили эти цвѣты на вѣткахъ вишневыхъ деревьевъ, опять придавъ всей своей работѣ полное подобіе къ природѣ, и счастливая принцесса собрала въ своемъ саду гостей въ декабрѣ „подъ цвѣтущими вишневыми деревьями“.

Жена даимія мало занималась своими дѣтьми. Послѣднія отдавались обыкновенно на попеченіе заботливыхъ приближенныхъ, и мать, хотя ей и было позволено видѣть дѣтей, когда она хотѣла, была лишена удовольствія постоянного сношенія съ ними и не имѣла тѣхъ материнскихъ заботъ, которыя составляютъ главное содержаніе жизни обыкновенной японской женщины.

Вспомнивъ, что и средняя японская дѣвушка, воспитываемая своею матерью, приучается къ безусловному послушанію и строгому этикету, соблюденіе котораго входитъ въ обязанности женщины, мы легко можемъ себѣ представить узкость воспитанія бѣдной маленькой дочери даимія, окруженной съ ранняго дѣтства безчисленными строжайшими надзирательницами, считавшими своимъ долгомъ, если не цѣлью жизни, научить ее всему, что требуетъ идеаль этикета высшаго тона. Еще случалось иногда, что дочь самурая, по прихоти или снисходительности своихъ родителей, или же по особымъ обстоятельствамъ жизни, дѣлалась болѣе независимой, болѣе самодѣтельной или лучше воспитанной, чѣмъ дру-

гя ея сверстницы; но такое счастье никогда не могло выпасть на долю находящейся подъ лучшимъ при-
смотромъ дочери дворянина.

Съ ранняго дѣтства къ дѣвочкѣ обращались, самымъ вѣжливымъ и церемоннымъ образомъ, такъ чтобы она видѣла только вѣжливыя манеры и слышала только вѣжливую рѣчь. Ее учили соблюденію этикета „превыше всего“, такъ чтобы никакой неловкій поступокъ или неловкое слово не унижали ея званія, и чтобы она отдавала должное почтеніе старшимъ, вѣжливо обращалась съ равными и относилась съ вѣжливымъ снисхожденіемъ къ низшимъ. Ее учили быть особенно внимательной къ семействамъ лицъ, подчиненныхъ ея отцу, и рано твердили ей объ обязанности дворянина защищать и любить своихъ приближенныхъ, подобно тому какъ отецъ любитъ и защищаетъ своихъ дѣтей. Съ ея дѣтства окружающимъ ее раздавались подарки отъ ея имени, часто и не спрашивая у нея позволенія и даже невѣдомо для нея, и она всетаки должна была выслушивать обильныя выраженія благодарности—брать уроки „радостей благотворительности“, которые не могли не оставлять своего впечатлѣнія на титулованнаго ребенка. Даже въ разговорѣ съ низшими она должна была употреблять вѣжливый языкъ * и никогда не говорить на гру-

* Японскій языкъ изобилуетъ выраженіями, показывающими различныя оттѣнки вѣжливости или почтенія. Есть слова и выраженія, которыя высшія по положенію лица употребляютъ въ разговорѣ съ низшими, или наоборотъ; и совсѣмъ другія выраженія употребляются въ разговорѣ между равными. Нѣкоторыя фразы принадлежатъ специально языку „высокорожденныхъ“, совершенно отличаясь отъ тѣхъ, какія употребляются лишь простымъ народомъ. Нѣкоторые глаголы въ этомъ чрезвычайно сложномъ языкѣ должны измѣнять окончаніе, согласно степени дочета, какою, по разумѣнію говорящаго, заслуживается тѣмъ, къ кому онъ обращается.

бомъ, рѣзкомъ языкѣ мужчинъ и не произносить недуманныхъ фразъ и выраженій низшихъ классовъ.

Воспитаніе дочери даимія было всецѣло домашнее *. Въмѣсто того, чтобы выходить изъ дому къ учителямъ на уроки, она обучалась дома подъ руководствомъ кого либо изъ приближенныхъ отца ея. Учителя, приглашавшіеся для обученія ея различнымъ предметамъ, по приходѣ на урокъ, никогда не могли и думать, что имъ удастся дать его въ опредѣленное время и затѣмъ сейчасъ же уйти назадъ, торопясь по своимъ дѣламъ; они должны были терпѣливо ждать, болтая съ кѣмъ либо изъ живущихъ въ домѣ, попивая чай, кушая десертъ,—пока благородная ученица не выразитъ готовность принять ихъ. Гостепріимство требовало, чтобы учителю было предложено послѣ урока угощеніе, и этикетъ не позволялъ ему отказываться отъ этого, такъ что оба—и учитель, и ученица—должны были тратить много времени на ожиданіе другъ друга.

При такихъ условіяхъ образованіе молодой дѣвушки не могло идти успѣшно, тѣмъ болѣе, что обыкновенно прерывалось чрезвычайно раннимъ бракомъ; и жена-дѣвочка продолжала иногда забавляться своими куклами и въ домѣ своего мужа, пока живой ребенокъ не занималъ мѣста игрушки для молодой матери.

Женщины класса самураевъ, которыя въ томъ или другомъ положеніи служили у дворянокъ, были часто выше средняго уровня развитія и образованія. Съ дѣтства до старости дворянки никогда не обходились безъ

* Школа для дочерей дворянъ, о которой говорилось въ предшествующей главѣ, является въ глазахъ многихъ аристократическихъ семействъ большимъ новшествомъ, посягнувшимъ на обычаи старины.

одной или нѣсколькихъ почетныхъ прислужницъ, всегда готовыхъ къ ихъ услугамъ. Нѣкоторые самурайки поступали въ дома даиміевъ на низшія должности только на короткое время, оставляя раньше или позже свое мѣсто для замужества, потому что продолжительная служба въ семьѣ даимія влекла за собой одинокую жизнь; но многія оставались тамъ до конца дней своихъ, ведя жизнь, комфортъ и покой которой скудно вознаграждалъ ихъ за скуку безконечныхъ формальностей и монотоннаго уединенія.

Однако въ общемъ самурайки не пренебрегали даже наименѣе отвѣтственными и самыми незначительными положеніями въ домахъ даимія, а высшія должности тамъ считались даже чрезвычайно почетными. Когда самурайка, послѣ долгой службы своей благородной госпожѣ, отпускалась ею въ отпускъ,—что случалось чрезвычайно рѣдко,—и, нагруженная подарками, дѣлала визитъ къ своимъ роднымъ, то принималась ими, какъ лицо, оказывающее имъ большую честь своимъ посѣщеніемъ. Уваженіе къ ея познаніямъ въ дѣлѣ этикета и умѣнью одѣваться никогда не умалялось, въ зависимости отъ того, что она, быть можетъ, исполняла самую незначительную и низменную службу при людяхъ благородной крови.

Дама, занимающая должность главной прислуги, а также и компаньонки госпожи, имѣла значительную долю вліянія въ личныхъ ея дѣлахъ и во всемъ строѣ ея домохозяйства, совершенно подобно тому, какъ приближенные даимія рѣшали иногда за него, по своему разумѣнію даже и многіе изъ серьезныхъ вопросовъ, касающихся жизни провинціи. Нѣкоторыя консервативныя старыя дамы—послѣдніе остатки многочисленной свиты, которая когда-то наполняла замки—все еще остаются вѣрными слугами въ до-

махъ, теперь уже лишенныхъ величія старыхъ временъ, и смотреть съ ужасомъ на новшества нашего времени, вздыхая по славѣ старой Японіи. Только по принужденію онѣ отказываются отъ соблюденія многихъ бесполезныхъ теперь формальностей и не хотятъ смотрѣть на то, что ихъ когда-то столь высокочтимые господа принуждены теперь „толкаться локоть о локоть“ съ обыкновенной чернью.

Я никогда не забуду ужаса, обнаруженнаго одной старой и почтенною дамой, гувернанткой дочери дворянина высокаго положенія, только что поступившей въ школу, когда она услышала, что каждая ученица должна носить и завязывать свои книги сама, и что гувернанткамъ не позволено сидѣть въ классѣ на урокахъ. Бѣдная старушка была возмущена также, узнавъ, что ея благородная хозяйка должна совершать сама даже такую черную работу, какъ уборка своего собственнаго класснаго стола, безъ чужой помощи ²⁵.

Въ домахъ даиміа было мало культуры или вообще умственной дѣятельности, которыя царили въ болѣе аристократическомъ уединеніи дворца въ Кіото, и жены и дѣти даиміевъ не знали обязанностей и отвѣтственности, которыя возлагались на женщинъ класса самураевъ, такъ что жизнь ихъ была, можетъ быть, болѣе безцѣльна и менѣе способствовала выработкѣ благородныхъ качествъ, чѣмъ жизнь всякой другой женщины въ Японіи. Занятая безконечными мелочными требованіями этикета, лишенная чувства самодовольствія, являющагося слѣдствіемъ какъ цѣлесообразнаго физическаго труда, такъ и умственной работы, женщины этого класса просто прозябали. Мало удивительнаго, что дворяне вырождались, какъ умственно, такъ и физически, въ теченіе эпохи, когда власть была въ рукахъ Токугавъ, потому что въ строѣ

ихъ семейной жизни ничто не готовило женщину быть женой или матерью сильныхъ людей. Типичная дворянка старой эпохи была женщиной изящной, но слабаго тѣлосложенія, проникнутой до тончайшихъ фибръ своего существа сознаниемъ важности этикета, выдержанной и находчивой въ мелочахъ, но совершенно безпомощной въ серьезномъ дѣлѣ. Однако свойства націи, видною чертою которой, какъ мы не разъ уже говорили, является вѣрность долгу и моральное и физическое мужество, не могли не проявляться и въ характерѣ аристократокъ, изнѣженныхъ и избалованныхъ физически и суженныхъ въ ихъ умственномъ кругозорѣ строемъ жизни, вліявшимъ на нихъ наслѣдственно въ теченіе почти трехъ столѣтій. Нерѣдко случалось, что жена даимія, какъ жена воина и дочь длиннаго ряда поколѣній храбрыхъ людей, не боялась встрѣтить лицомъ къ лицу опасность и смерть, когда это было необходимо, и считала отдачу своей собственной жизни почетной и легкой жертвой, если цѣной ея можно было избѣжать непріятельскаго плѣна.

Два или три событія изъ далекаго прошлаго, о которыхъ я узнала во время пребыванія своего въ Токио, бросають нѣкоторый свѣтъ на тѣ старые феодальные времена и обычаи, которые были тогда господствующими, но теперь исчезли навсегда. Разскажь сообщень мнѣ дамой, которая сама, еще ребенкомъ, была свидѣтельницей передававшагося ею; онъ иллюстрируетъ отвѣтственность, которую принимали на себя слуги за своего господина и его домъ. Одинъ даимій впалъ въ немилость погуна и былъ изгнанъ въ наказаніе за какой-то проступокъ въ свою столицу—укрѣпленный городъ въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Іедо. Ворота замка даимія были закрыты, и никто изъ жившихъ тамъ не имѣлъ права сообщаться

съ вѣшнимъ міромъ. Вскорѣ послѣ того пострадавшій заболѣлъ и умеръ неожиданно прежде, чѣмъ наказаніе было снято съ него. Смерть при такихъ обстоятельствахъ была самой ужасной вещью, какая только могла постигнуть его самого и его семейство, такъ какъ похороны должны были совершиться въ такомъ случаѣ безъ отданія праху покойнаго обычныхъ почестей; и надгробный камень, вмѣсто того чтобы свидѣтельствовать надписями на немъ о добродѣтеляхъ и доблести даимія и говорить о благосклонномъ отношеніи къ нему его господина, обращался просто въ памятникъ его позора. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ свита покойнаго почувствовала необходимость устранить такое зло какой бы то ни было цѣной. Узнавъ, что гнѣвъ шогуна былъ, повидимому, не такъ великъ, чтобы внушить ему желаніе предать вѣчному позору память умирающаго господина ея, свита рѣшила послать шогуну прошеніе о дарованіи прощенія наказанному, во вниманіе къ безнадежной болѣзни его, и о возвращеніи благоволенія къ больному прежде, чѣмъ онъ умретъ. Фактъ смерти былъ скрытъ, и тѣло покойнаго спрятано на время подъ поломъ комнаты, въ которой онъ умеръ,—и весь городъ былъ извѣщенъ, что даимій боленъ при смерти. Сорокъ дней прошло прежде, чѣмъ шогунъ отозвался на прошеніе свиты извѣстіемъ, что безчестіе снято съ ея господина, и въ теченіе всего этого времени фикція болѣзни даимія поддерживалась для населенія.

Какъ только посланные возвратились, тѣло покойнаго было извлечено изъ его временнаго убѣжища, положено на постель, и вся свита, отъ меньшого до старшаго члена ея, принесла поздравленія своему господину съ возвращеніемъ благоволенія шогуна.

Одинъ за другимъ входили слуги въ темную комнату, падали ницъ передъ тѣломъ, шептали выраженія глубокой радости о томъ, что даимій умеръ, успѣвъ получить радостную вѣсть о прощеніи. Теперь ничто не мѣшало уже совершить похороны съ должной pompой и въ должной обстановкѣ, и надгробный камень даиміа нынѣ не даетъ никакого намека о томъ „позорѣ“, который такъ неизбежно, повидимому, угрожалъ памяти о немъ.

Другой примѣръ, весьма похожій на только что рассказанный, бросаетъ свѣтъ на обычай усыновленія или іюши, о которомъ мы говорили въ предшествующей главѣ. Дѣйствующимъ лицомъ является дворянинъ, умершій бездѣтнымъ и даже не назначившій наслѣдника для продолженія своего титула; между тѣмъ никогда не дѣлалось такъ, чтобы при посылкѣ официального извѣщенія о смерти не назывался наслѣдникъ рода покойнаго и преемникъ его титула. Кромѣ того, въ домѣ не было ни одного родственника для принятія на себя обязанностей главнаго распорядителя похоронъ. По этимъ причинамъ смерть покойнаго держалась въ секретѣ, въ домѣ его не обнаруживали никакихъ признаковъ траура въ теченіе долгаго времени, пока не былъ найденъ, къ общему удовлетворенію членовъ осиротѣвшей семьи, молодой человекъ, котораго можно было усыновить. Когда легальное извѣстіе объ усыновленіи его было получено, и онъ былъ принятъ въ семью, какъ наслѣдникъ, только тогда смерть главы семьи была объявлена, объявленъ былъ трауръ, и совершена погребальная церемонія.

Однажды я сидѣла съ визитомъ у одной японской дамы, которая знала, что мнѣ хотѣлось достать старинный, украшенный вышивками кимоно, который

теперь совершенно вышла из моды въ Японіи, но который всетаки можно было еще найти случайно въ складахъ подержаннаго платья или купить у кого нибудь изъ частныхъ лицъ. Она поэтому показала мнѣ только что принесенную ей цѣлую коллекцію старыхъ костюмовъ, продающихся наслѣдниками одной умершей недавно дамы, которая нѣкогда была почетною прислугой въ домѣ даиміа. Костюмы были весьма красивы—шелковые, креповые и полотняные, богато и тщательно вышитые—и содержались въ образцовомъ порядкѣ. Многіе изъ нихъ казались совсѣмъ ненадеванными и, повидимому, хранились свернутыми въ теченіе многихъ лѣтъ. Перерывая все эти хорошенькія вещи, я заинтересовалась чернымъ широкимъ платьемъ на днѣ корзины и, вытащивъ его оттуда, начала близко разсматривать его. Это былъ интересный костюмъ—съ бѣлою подкладкой и съ большимъ бѣлымъ гербомъ *appliqué* на серединѣ спины. Бѣлыя полосы придавали платью военный видъ, и оно, казалось, принадлежало скорѣе къ гардеробу воина съ двумя саблями, чѣмъ женщинѣ стараго типа... На вопросъ, какъ оказалось здѣсь такое платье, старушка, бывшая вмѣстѣ со мною въ гостяхъ у хозяйки, — одна изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ строй стараго времени былъ еще естественнымъ порядкомъ, а всякія новшества и новыя обычаи—революціей, — объяснила мнѣ, что платье, дѣйствительно, принадлежало къ гардеробу одной камеристки въ домѣ даиміа и было сдѣлано для ношенія въ случаѣ пожара или атаки, когда мужчины уходили изъ замка, а охрана оставленнаго имущества возлагалась на женщинъ. Дальнѣйшіе поиски среди этихъ остатковъ прошлаго позволили намъ добраться и до остальныхъ принадлежностей костюма: шелковыя гакама или широкія юбообразныя брюки,

мужская черная шелковая шапочка, опоясанная бѣлою лентой, и шерстяной чехоль отъ шпаги, съ большимъ бѣлымъ гербомъ на немъ... Все это составляло форму, которую должны были носить дамы во дворцѣ или въ замкѣ въ такое время, когда имъ приходилось защищать добро своего господина. Принадлежности этого костюма были спрятаны въ теченіе двадцати лѣтъ между вышитыми платьями какъ будто нарочно для того, чтобы показаться на свѣтъ для удовлетворенія любопытства иностранки и показать ей фазу старой жизни, которая была обычнымъ дѣломъ для японки старыхъ временъ,—столь обычнымъ, что о немъ даже и не упоминалось иначе, какъ по случаю. Старшая изъ моихъ хозяекъ сильно забавлялась моимъ интересомъ къ этимъ нѣмымъ останкамъ прошлаго и никакъ не могла понять, почему я хотѣла истратить цѣлый долларъ для того, чтобы сдѣлаться обладательницей коллекціи костюмовъ, которыхъ мнѣ, вѣроятно, никогда не придется носить. Форма эта не указывала на предназначеніе обладательницы ея вступить въ ряды войскъ, но послѣдняя, безъ сомнѣнія, обучалась употребленію шпаги съ длинною рукояткой, чехоль съ которой она хранила здѣсь столько лѣтъ, и считала себя обязанною и готовою вступить въ бой, въ качествѣ стражницы дома, во всякое время, когда это могло понадобиться, въ отсутствіе изъ замка мужской прислуги.

Въ современныхъ лавкахъ въ Токио есть сотни цвѣтныхъ картинъ, иллюстрирующихъ блескъ шогунновъ, такъ какъ красивыя одежды, пышныя празднества и весь внѣшній блескъ, которые исчезли съ паденіемъ дома Токугавы, все еще дороги сердцу народа. На такихъ картинахъ можно видѣть изображенія—въ преувеличенной, противъ дѣйствительности,

яркости красокъ—даиміевъ съ свитой, одѣтой въ форму тѣлохранителей, торжественно слѣдовавшихъ ко дворцу шогуна; игры, танцы, сцены, представлявшіяся передъ самымъ шогуномъ; принцессу съ ея свитой дамъ и прислугой, гуляющую во время цвѣтенія вишенъ въ паркѣ Уено или переѣзжающую быструю, но мелкую рѣку на пути въ Іедо. Тамъ видишь цѣлый флотъ покрытыхъ краснымъ лакомъ увеселительныхъ баржъ, въ которыхъ шогунъ со своимъ дворомъ поднимался вверхъ по рѣкѣ Мукожима весной, чтобы посмотреть на вишневые деревья, окаймляющія берега рѣки на протяженіи цѣлыхъ миль. Встрѣчаются также изображенія внутренней обстановки домовъ даймія или интимныхъ домашнихъ сценъ, въ которыя на самомъ дѣлѣ никто посторонній не могъ проникнуть. Одна картина изображаетъ волненіе по поводу рожденія наслѣдника въ знатномъ домѣ: счастливая мать на кушеткѣ, окруженная статсъ-дамами въ ихъ роскошныхъ костюмахъ; ребенокъ въ сосѣдней комнатѣ; группа блестящихъ прислужницъ, приготовляющихъ ему ванну... Тогда какъ на длинной площади, которая открывается на дворѣ въ центрѣ домашнихъ зданій, можно видѣть еще другія группы слугъ, несущихъ подарки, наводняющіе обыкновенно въ такое время домъ новорожденного. Еще дальше, черезъ дворъ, виднѣются доктора, занятые консультаціей кругомъ маленькаго стола и приготовляющіе лекарства для обезпеченія здоровья и силы какъ матери, такъ и ребенка.

Паденіе шогуна и уничтоженіе замковъ и яшики произвело радикальную перемѣну въ костюмахъ японцевъ. Не видишь больше красивыхъ вышитыхъ платьевъ иначе, какъ только на сценѣ, такъ какъ уничтоженіе цѣлаго празднаго класса вывело изъ моды украшен-

ный цвѣтами кимоно. Нѣтъ дворовъ, большихъ или малыхъ, разсѣянныхъ прежде по всей странѣ, въ которыхъ дамы должны были бы одѣваться въ костюмы, измѣняющіеся съ временами года, и гдѣ вышивки, имитирующія натуральные цвѣты съ величайшимъ искусствомъ, находили бы вѣрный сбытъ. Когда спросишь, — какъ каждая иностранка, вѣроятно, спрашиваетъ у свѣтской японки, познакомившись съ нею: „Почему отказались вы отъ красивыхъ вышивокъ и пышныхъ цвѣтовъ, которые носили прежде?“ — то получишь отвѣтъ: „Теперь здѣсь нѣтъ домовъ дайміевъ“. И это обстоятельство считается достаточнымъ объясненіемъ перемѣны порядка вещей ²⁶.